

АЛЕКСАНДР ЧУПРОВ

Мысли о смерти — и — бессмертия души

(вариация на тему памфлета Людвиг Фейербаха)

Философ Александр Чупров с болью и тревогой рассуждает о вызовах современного мира, которым подвергаются талантливые и образованные молодые люди...

†††

Когда Людвиг Фейербах, еще мало кому известный выпускник Берлинского университета, писал и анонимно издавал свои «Мысли о смерти и бессмертия души» (1830), социальный мир держался на традиционной вере в Бога и в бессмертие человеческой души. Автора сразу «вычислили» и пожизненно запретили преподавательскую деятельность, поскольку он посмел покуситься на духовные основы той эпохи.

В современном мире ситуация гораздо трагичнее. Речь уже идет не только о первичных смыслах общественного устройства, но и о сохранении самой цивилизации и даже биологическом выживании человека и человечества. Сегодня тысячи (!) молодых людей вербуются в запрещенные экстремистские образования. И среди них — немало вменяемых, образованных молодых людей, например печально известная студентка философского факультета МГУ.

Конечно, причин, приводящих молодежь в ряды террористов (в том числе готовых стать смертниками), — множество, и я не берусь их все анализировать. Мне важнее понять мироощущение и логику потенциальных религиозно-политических убийц и самоубийц.

†††

Если и есть загробная жизнь человеческой души, то на этом свете ей надо будет припоминать уже не идеальные сущности вещей, как настаивал Платон применительно к душе, отягощенной телесностью, а именно земную жизнь. И тосковать по ней, как по действительно утраченному раю, где душа, хотя и очень ограниченно, но была действительно свободной. Ибо свобода обретает свою действительность только в соотношении с необходимостью, точнее, в тождестве с нею. Абсолютная свобода в силу своей односторонности тождественна ее отсутствию. Проще сказать — смерти.

В раю, как и в платоновском царстве идей, может быть только вечный покой. Но свободы уже не может быть по определению, поскольку там не может быть никакой необходимости! Там никто и ничто никому и ничему не мешает, и никто ни от кого ничего не требует. Там не будет ни свободы «от», ни свободы «для»: уже не от чего и не для чего.

Стремление к абсолютной свободе-смерти — это и есть сущность философского сатанизма, который в сфере существования принимает отвратительные и бесчеловечные формы. Гении пишут философские трактаты; страстные сатанисты-пассионарии увлекают массы на совершение Drang nach Osten, джихада, революций и контрреволюций; а придурки устраивают черные мессы с кровавыми жертвоприношениями... И все они — «сверхчеловеки», пребывающие якобы «по ту сторону добра и зла» (Фридрих Ницше).

Если и нужны человеку вера в Бога, религия и церковь — то только для жизни земной, а не небесной. А уж там — в потустороннем мире — Бог как-нибудь сам управится и по поводу распределения жилплощади в раю и аду среди вновь прибывших душ, и по оплате им за трудовые будни и героические дни на земле. Тем более не факт, что мы там окажемся, но верить хочется — это, знаете ли, как-то бодрит.

†††

Традиционной религии, атеизму и скептицизму можно противопоставить нечто четвертое — абсолютный нигилизм, например философию Артура Шопенгауэра. Но она хороша лишь для того, чтобы раздражить излишне замыкающийся на себе самом человеческий разум с симптомами философского аутизма. И не более того.

Создавая и усиливая уже овладевшие человеком настроения, обусловленные главным образом телесно-физиологически, тексты Шопенгауэра (в отличие от гегелевских) совершенно не развивают способность суждения (промежуточный уровень интеллекта между рассудком и разумом). Они поразительно антиинтеллектуальны.

Прочитав книгу Шопенгауэра, лучше сразу задвинуть ее на дальнюю полку, чтобы не мозолила глаза. Такое чтение вредно для психического и физического здоровья. Не зря Лев Николаевич Толстой после страстного, но кратковременного увлечения философией Шопенгауэра назвал его «талантливым пачкуном».

Не случайно философия жизни Ницше, которая выросла из философии смерти или нигилизма Шопенгауэра, обернулась своей противоположностью — идеологией и практикой смерти (главным образом, для других), то есть фашизмом. Но это вовсе не означает, что проповедь смерти и самоубийства, напротив, приведет нас к благу, счастью и торжеству жизни в соответствии с высочайшими нравственными принципами, как уверяют самих себя и других разные философствующие «певцы смерти».

Можно сколь угодно улаживать воспаленное (свое и чужое) сознание соображениями, что лучше умереть, чтобы и самому не мучиться, и не мучить других, но медицинским фактом (заключением патологоанатома) является констатация смерти. Отсутствие желания жить — это неспособность к жизни, импотенция и бесплодие.

Конечно, рано или поздно умрут все, но уже оставив после себя потомство и добрые плоды своего труда. А физические и метафизические самоубийцы, умирая раньше положенного срока, оставляют после себя пустоту здесь — и оказываются в пустоте там... Им и вспомнить будет не о чем — и задуматься не о чем. В этом мире они могли развлечься хотя бы своими страданиями, а там их ждет абсолютная пустота, вакуум — nihil...

†††

Самоубийца Отто Вайнингера (1880–1903, Австрия) — несчастный еврейский мальчик-гений, по крайней мере, не был убийцей. Он ушел из жизни с собственноручно написанной формулировкой: «Не хотел убивать других».

Вчитываясь в тексты таких «певцов смерти», как Юлиус Эвола и Отто Вайнингера, а также Фридриха Ницше и бесконечно любимого мною Николая Бердяева, которого справедливо называют философом свободы и творчества, я всё более убеждаюсь в их гениальности и в их... сатанизме. Именно — сатанизме, стыдливо прикрытом либо демонстрацией «железной» воли по преодолению традиционной морали (иммориализмом), либо, напротив, иступленным морализаторством с обильными отсылками к Библии, Федору Достоевскому и Владимиру Соловьеву...

Несчастливые, они могли сделать окружающих их людей лишь такими же несчастными, как и они сами, если, конечно, окружение не состояло сплошь из метафизических мазохистов, упоенных собственной болью. Для них нет ничего отвратительнее, чем исторический оптимизм, в котором они усматривают одну лишь «человеческую, слишком человеческую» (Ницше) глупость.

Еще их всех роднит прямо-таки патологическое нежелание иметь детей. Может быть, из-за неспособности любить? Ведь от любви рождаются дети, а не революции и контрреволюции. Ну ладно, хворый Ницше, но Бердяев — то чего ради? Красавец-мужчина, широкоплечий, с военной выправкой, франт. Не бедный. Прямой потомок русских генералов и французских графинь...

Разрыв с аристократической средой Бердяев считал самым важным фактом своей биографии. Но отказ от родившей и воспитавшей его семьи, отца и матери — свидетельство не величия духа, а ущербного сознания (на бытовом уровне) и всё того же метафизического сатанизма как устремленности к абсолютной свободе-смерти.

Еще можно было бы понять, если бы Бердяев, как принц Гаутама (Будда), увидев больного, старого и нищего, сбежал из дома, чтобы искать способы избавления от страданий всех людей на земле. Или, как Фома Аквинский или наш Михайло Ломоносов, тянулся к истине и наукам. На худой конец, что часто бывает, сбежал бы из-за юношеской любовной страсти. Так ведь он убежал от самого себя — от собственной неискоренимой *несвободы*.

Но от себя убежать невозможно. Уж либо в тебе эта свобода есть, либо ее нет — и не будет никогда, сколько бы ты ни философствовал об этой самой свободе.

Красивая и глубокая по смыслу фраза Бердяева о том, что философский текст должен быть *не о чём-то, а чем-то*, открывается какой-то мрачной и даже зловещей стороной: *чисто философский текст аннигилирует жизнь* («о чём-то» — это всегда о жизни).

Факты биографии Бердяева больше, чем все его блистательные работы, обнаруживают скрытый в них сатанизм. Недаром немецкие фашисты весьма почитали его

и потому не только не тронули в оккупированном Париже, но даже вели с ним философские беседы.

У Бердяева первичен не Бог, а свобода — в том числе (и обязательно) свобода делать зло. У него не только человек, но и Бог — из свободы. Поэтому прорваться к этой вождельной свободе можно только *через роковую черту* — по трупам, трупам человеческим и, как ни прискорбно, самого Бога — Бога, о смерти которого громко объявил еще Ницше: «Бог — умер!»

Вот почему и православные, и католические, и протестантские ортодоксальные богословы относились к философии Бердяева крайне отрицательно, усматривая в ней недопустимое «вольномудство». В устах клерикала слово «вольномудство» есть эвфемизм сатанизма.

Сердцевиной идеологии немецких нацистов было утверждение превосходства арийской расы над всеми иными и утверждение права на жизненное пространство или «место под солнцем». Идеология и философия фашизма призваны тщательно скрывать главный его порок — ущемленный инстинкт самосохранения. А ведь он — основной для всего живого на земле, его «внутренняя основа основ». Собственно, так и расшифровывается «побуквенно» это латинское слово (in-st-in-ct).

Инстинкт самосохранения существует в двух неразрывных ипостасях: индивидуальной и родовой. Атрофия индивидуального инстинкта самосохранения чревата суицидом. Атрофия родовой самосохранения — убийством других, всякого рода сексуальными девиациями, бесплодием и «скопизмом» как осознанным и притом яростно защищаемым выбором. Ненависть к жизни — суть фашизма. Так нежить становится нелюдь.

Именно инстинкт самосохранения есть биологическая основа так называемого естественного права. Ядром его является право на жизнь, которое каждый человек обретает в силу самого факта своего рождения. Хотя всякое социальное право — не более чем сначала приватизированная, а потом объективированная (но, увы, ущербная) правда бытия, которая состоит в вечно взыскиваемой нами благодати, любви и справедливости, а *всякое право по умолчанию предполагает того, кто покушается на это право*.

Утверждая свое право, мы просто «держим оборону» перед лицом потенциального врага и хотим заставить его отказаться от недоброго намерения. Патриарх Кирилл назвал пропаганду прав человека «глобальной ересью». С этим тезисом можно и нужно спорить, но и скрытый в нем смысл тоже нельзя отрицать.

Без инстинкта самосохранения не может быть исключительно человеческого — духовного и нравственного становления, восхождения к чему-то превосходящему чисто биологическое и даже социальное в человеке. Пусть даже через жертвенную смерть. Жертвуют всегда ради кого-то живого, а главное — *через, а не в смерти*. Как Христос.

Александр Чупров

Белые горы

Воля к бытию, по идее, должна была стать волей к жизни. Но почему-то она, провозглашенная Шопенгауэром, стала волей к личной смерти, а философия жизни Ницше, выросшая из Шопенгауэра, стала волей к смерти чужого (фашизмом). Но я, как писал Маяковский (правда, про диалектику, которую «мы учили не по Гегелю»), «изучал» волю к бытию и жизни «не по Шопенгауэру». Самое значительное в моей жизни в этом отношении событие произошло в 1964 году, когда мне было 9 лет.

В тот год мама работала бухгалтером в летнем пионерском лагере имени Горького, расположенном на крутых сопках под названием Белые горы у реки Бурея. Это чуть ниже сегодняшней Бурейской ГЭС, плотина которой в 140 метров считается одной из самых высоких в мире. Места красоты неопишуемой. Даже сейчас, побывав в разных местах планеты, могу сказать это с еще большей категоричностью. А тогда мне и сравнивать было не с чем. Мне там просто нравилось.

Да и как могли не нравиться порошкие вековыми соснами сопки, белые песчаные оползни, в которых каждый второй камушек был с отпечатком растений времен динозавров, огромные, высотой в человеческий рост папоротники, заросли малины, ежевики, дикой красной и белой смородины. Места, где я любил ловить гадюк и ужей, огромных черно-синих и золотистых махаонов (ныне занесенных в Красную книгу), вылавливать, как Дуремар, из болота черных пиявок... Всё и описать невозможно.

После первой смены, проведенной в отряде, мы с сестрой-двойняшкой взбунтовались. Дома же нас никто ничего не заставлял делать, никто ничего не запрещал и никогда ни за что не наказывал. Мы всё, что нужно, делали сами и не делали того, что было не положено, а тем более того, что нам не нравилось. Одна (старшая на 6 лет) сестра строжилась, но не очень, хотя и от нее я отчаянно отбивался веником. Короче, две последующие смены мы жили в довольно большой комнате, смежной с бухгалтерией.

Время от времени на два-три дня приезжали поочередно отец или старшая сестра. А мы, двойняшки, жили при маме постоянно. Больше всего я любил «пересменки», когда лагерь пустел и на пару дней наступала потрясающая тишина. Правда, и многолюдье мне тоже нравилось, особенно ночные праздники с кострами и факелами.

В дни тишины я любил в пойме реки громко петь песню «Тот, кто рожден был у моря...» (хотя и моря-то никогда не видел), подражая уже тогда любимому мною Георгу Отсу. А по вечерам рисовал 10-рублевые купюры. Причем относился к этому делу серьезно: чтобы добиться хруста «денежных знаков», пропитывал подручными средствами обычную бумагу и сушил ее на солнце, да еще наносил водяной знак (портрет Ленина) маминым кремом для лица, чтобы портрет просвечивал, но при этом не был виден.

Но больше всего я любил в одиночку забираться на самую высокую сопку (метров сто высотой), откуда вся Бурея была видна до самого горизонта вместе с ее протоками и островами. Однажды черт меня дернул посмотреть сверху вниз на оползень, поперек него упала длиннющая сосна, по которой я начал ползти. И метров через пять с ужасом обнаружил, что подо мной пропасть, как я сейчас понимаю, глубиной около тридцати метров, а может, и более.

Тут до меня дошло, что еще одно неверное движение — и я сорвусь на камни с огромной высоты... Но и назад не могу сдать (полз на четвереньках, обхватив руками ствол). Тогда я стал ползти вперед над пропастью, судорожно держась за ствол, оставшиеся двадцать метров. Я очень хотел жить. Таки дополз. Спрыгнул с сосны и что есть мочи помчался вниз с сопки, царапая до крови руки, ноги, лицо. Я просто обезумел от радости, что остался жив. В лагере меня спросили: «Тебя что, кошка поцарапала?» — «Да нет, на кустарник малины налетел...» Так никому и не рассказывал о своем приключении.

Фото: Юрий Ермолин

